

Иван Мордвинкин

МЕЧТАТЬ
НЕ ВРЕДНО

ИЛИ ВРЕДНАЯ
МЕЧТА

Иван Александрович Мордвинкин

Мечтать не вредно или вредная мечта

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69200794
SelfPub; 2023*

Аннотация

Мечта, как говорят, это нечто высшее, без чего человеку и человеком-то не быть. Правда сказать, если мечты не исполняются, то терзают они того человека унынием, а если исполняются, то губят гордостью. Как же получить от Бога исполнение своих желаний, да так, чтобы не во грех, а в пользу близким и себе во спасение?

Иван Мордвинкин

Мечтать не вредно или вредная мечта

Сергей женился на вдове с двумя детишками. Женщина хорошая попалась, а дети – они всегда дети, бери только и воспитывай, будут людьми.

Сошлись, повенчались, зажили – дом, работа, церковь.

Когда родился и свой первенец, Серёга вздохнул полной грудью – и потому, что счастьем налил в полноте, и потому, что трое детей – это уже трудно, тут только полной грудью.

Но, люди они были церковные, потому семью не «планировали», а рожали, когда Бог подаст. И с каждым следующим ребёнком Серёга вздыхал своей полной грудью все тяжелее, пока, наконец, к пятому, если не считать двоих от её первого брака, вздохи Серёгины не превратились в надрывные стоны.

Работал он тогда водителем «Газельки» в оптовой фирме, торгующей церковными товарами и книгами. Все ж ближе к церкви.

Одно только облегчало его душу – умение всласть помечтать, отвлечься от тяжёлой реальности, дать нервам притихнуть и перестать гудеть, как провода в трансформаторе.

В один из дней он привычно вкатил во дворик Нечаевской церкви, выскочил из машины, распахнул заднюю, вынул надписанный картонный ящик с товарами по распределению и внёс в крошечную церковную бухгалтерию.

Валентина, местная бухгалтерша – такая же крошечная, но юркая женщина в белом ситцевом платочке, приняла товар.

Серёга вернулся за вторым ящиком – уже с книгами для местной библиотеки, внёс и его. Валентина приняла книги, сверились по накладной, порядок.

Загвоздка, которые отовсюду изо дня в день покалывали Серёгу, на сей раз явилась в виде списка книг на следующий месяц. Сколько Валентина ни искала его, список всё не находилась. Наконец, предположив, что заветный листок у библиотекаря, она обещала быстро за ним сбегать. Но не сбегала: подсчитывала цифры, обобщая и единя их в графу «Итого».

Серёга ждал, Валентина считала, список лежал.

Долго Серёга томился в своей «Газельке», позабыв о времени и размечтавшись о поездке на Кавказ. Но, когда домечтал до интересных кавказских шрифтов, которые невозможно русскому человеку принять за письмо, то вспомнил о книгах, библиотечном списке и Валентине. А потому, поставив временную точку на карте где-то в области Грузии, он вернулся в бухгалтерию.

Валентина ахнула, слегка стукнула себя ладонью в лоб и

вновь принялась искать злополучный список, забыв уже, что бумажка всё ещё у библиотекаря.

В конце концов, разузнав, где находится библиотека, Серёга ушёл туда сам.

Библиотекарь – худощавый и хорошо выбритый, тонкий старик лет семидесяти с лишним, всё ещё при собственных зубах и волосах, но уже в приличных очках, сидел в мягком кресле у письменного стола и читал.

– Здравствуйте! – поприветствовал Серёга. – Вы Андрей Борисович?

– Я, – ответил библиотекарь и внимательно посмотрел на Серёгу. При этом, чтобы глядеть сквозь сдвинутые на нос очки, ему пришлось поднять голову высоко, отчего казалось, будто смотрит он несколько высокомерно.

Серёга рассказал Андрею Борисовичу про список, старик поднял трубку внутреннего телефона и объяснил Валентине, где лежит злополучная бумажка. Та обещала найти и тут же принести в библиотеку.

Библиотекарь пригласил Серёгу присесть, рассмотрел его бегло, но внимательно, и вновь погрузился в чтение.

Серёга же вернулся к грузинским письменам и мечтательной мыслью сместился на грузинские фрески, размышляя о влиянии Византии на культуру православного Кавказа.

Но мечталось тревожно – уж больно много времени терялось сегодня. Поэтому, обычно ненастойчивый Серёга, попробовал ускорить поиски:

– Она точно его найдет? – спросил он у старика, тут же оторвавшегося от книги. – А то она забыть может. Бывает такое.

– Я не знаю, – честно ответил Андрей Борисович. – Подождём и позвоним ещё раз.

– Ладно, – ответил Серёга, тут же возвращаясь в Грузию. Но теперь, из-за перебивающих препятствий, через Византию в Грузию лезла Греция, которая почему-то ассоциировалась с виноградом и Турцией. Поэтому Серёга вообразил себя на горячем турецком пляже.

Так и сидел он со стеклянными глазами и приоткрытым ртом, пока не выронил от расслабления свой телефон, отчего спохватился, вернулся в реальность и с грустью понял, что не находится на пляже, не бродит по древнегреческим развалинам и не изучает загадочный грузинский язык, а сидит в библиотеке и ждёт несчастный список заказов на следующий месяц доставки.

– Замечтался, – улыбнулся он библиотекарю, который из-за грохота телефона об пол с подозрительной пристальностью взглянул на него поверх очков, как психиатр на не сознающего своей болезни пациента.

– Мечтаете? – серьезно спросил Андрей Борисович тоном полицейского, застукавшего мелкого хулигана.

– Да-а... – почему-то с оправданием в голосе ответил Серёга и вздохнул так тяжело, будто жена родила ему тройню. – Надо же как-то... расслабляться.

Андрей Борисович видимо принял столь длинную фразу за приглашение к беседе, потому снял очки и вложил их в книгу на нужной странице.

– Нельзя мечтать, – заметил он сухо и твёрдо и замолчал, вероятно, ожидая Серёгиной подачи в ожидаемом словесном пинг-понге.

Серёга подал:

– Да что вы? – он постарался вложить в голос примирительный тон. – Мечтать не вредно. Человек без мечты – будто и не человек, а робот какой-то.

– Вино веселит сердце человека, – изрёк сей странный старец, помолчал и спросил: – Почему бы не пить каждый день?

Серёга передернул плечами – вопрос явно не нуждался в ответе.

– Воображение дано нам как щедрый дар от Бога, – выдержав паузу заметил библиотекарь. – Как и вино. Но использовать эти дары нужно только по делу, очень дозированно.

– Ну, с вином понятно, алкоголизм и прочее, – озадачился Серёга. – А при чём здесь мечта? Это же и есть возможность...

Он задумался на мгновенье, зачем человек умеет мечтать, живо воображать несуществующее. Старик терпеливо ждал.

– Возможность...обогащать жизнь, раскрашивать её яркими красками, возвышаться над повседневностью, – будто пробило Серёгу.

Старик понимающе кивнул.

– А зачем? – спросил он коротко и опять замолчал, всё ещё внимательно глядя на Серёгу. Видимо для него это был не пустой разговор, какие возникают из-за неудобных пауз.

– Ну... – опять натужно задумался Серёга. – Чтобы как-то расширить... Понимаете? Чтобы жизнь была полнее.

– То есть, вы предполагаете, что она не имеет полноты? – спросил библиотекарь с придиричивостью следователя.

– Имеет... Но мечта... Она расширяет еще больше, шире, понимаете?

– Понимаю. А ту, обыкновенную реальность, которую дал вам Бог и которую вы хотели бы расширить, вы уже вполне осознали, ощутили и постигли? – спросил старик, внимательно глядя куда-то внутрь Серёги, и догадавшись, что ничего Серёга не постигал и не осознавал, добавил: – Реальность – это и есть жизнь, в каждом мгновении которой живёт Бог. Как вы хотели бы её ещё усовершенствовать, воображая собственную, но в которой Бога нет?

Скрипнула дверь, и в библиотеку вошла Валентина со списком.

Серёга распрощался с ними обоими, запрыгнул в свою Газельку и медленно покатил по церковному дворику, утопающему в розовых клумбах.

Увидев розы, Серёга привычно окунулся в мечты о большой цветочной теплице, о множестве сортов роз и счастливой жизни. И о том, как бы это занятие нравилось его жене, ибо с нею они в розарии и познакомились, и как бы ро-

зы нравились детям, особенно дочерям. И как бы он стал зарабатывать, а значит, смог бы поехать в Турцию или Грецию, или на Кипр. И там изучил бы грузинский язык, хотя бы поверхностно, потому, что хотелось оставить в голове место и для кхмерского, чтобы следующим разом махнуть в Юго-Восточную Азию и проехать её всю насквозь всей семьёй на арендованных скутерах. Можно, кстати, «зарулить» и в Индию, но она очень большая. Это, пожалуй, третьим разом уже.

Мечта о розарии была одной из самых сладких, потому возвращался он к ней часто.

Например, как в тот раз, когда он выезжал из центра города по бульвару, заботливо усыпанному розами, его так унесло в счастливые туманы мечты, что, пролетев на красный, он чуть не столкнулся с въезжающим на перекресток грузовиком, вывернул влево, на встречу, где лоб в лоб столкнулся бы со стареньким «Москвичом», если бы тот был новеньким и за рулем сидел бы хоть сколь-нибудь резвый водитель, а не сухощавый старик с собственными зубами и волосами, но в приличных очках.

Старик, а это был действительно Андрей Борисович, плавно вырулил на обочину, неспешно выбрался из машины и подошел к «Газели», из водительского окна которой выглядывал испуганный Серёга.

– Мечтаете? – так же строго, но без тени раздражения спросил библиотекарь.

Серёга, извиняючись, передернул плечами, на что Андрей Борисович заметил:

– Нельзя мечтать, – шуточно погрозил пальцем, и, улыбнувшись для смягчения, потопал обратно к своему «Москвичу».

Так Серёга решил отказаться от мечтаний.

В первые дни жилось ему трудно, тяжело и пресно. От безделицы он починил розетку в прихожей и сделал уроки с младшими, а когда и жена пришла со смены, согласился прогуляться с нею в магазин, стараясь, однако, слушать, о чем она с ним разговаривает, чтобы не соскользнуть неудержимо в мечты.

Через неделю просроченные домашние дела закончились, и Серёга пустился заполнять голову воспоминаниями, раз нельзя мечтать. Но нового ничего не вспоминалось, а заново «перевспоминать» не раз уже помянутое было до муторности скучно. От того впал он в состояние пустоты и странноватой узости окружающей жизни, будто он был помещён в лабиринт, состоящий из одинаковых коридоров или вовсе лежал в тесной могиле. А потому, увлекся Серёга чтением и кино.

Следующим месяцем, привезя товары в Нечаевскую церковь, Серёга быстро сдал их Валентине и скорым шагом ушёл в библиотеку, хоть список ему на сей раз выдали без препятствий.

– Мечтаете? – сухо спросил Андрей Борисович вместо

приветствия.

– Нет, Андрей Борисович, – ответил Серёга, рассчитывая, что ответ его станет для библиотекаря неожиданностью. – Не мечтаю, а живу как есть.

Старик действительно заинтересовался, отложил очередную книгу, снял очки.

– Ну и как вам?

– Скучно, просто как... пустыня безводная, – ответил Серёга, не зная, как и описать свою новую жизнь.

– Понятно, – понял что-то Андрей Борисович. – Скучно, значит не понимаете, что делать и зачем.

– Точно! – согласился Серёга. – Не понимаю. Знаете, теперь моя голова как будто... скажем... клумба, из которой постоянно приходится удалять цветы. А они все прут и прут, а ты их удалишь, и пусто. Хорошо... наверное. Только не понятно, чем хорошо.

Старик вздохнул, складывая в голове мысли для ответа.

– Это не клумба, а огород, который должен ещё и плоды приносить, – продолжил он Серёгину метафору. – А вы сорняки за цветы принимаете.

Серёга задумался и без приглашения уселся на стул.

– А как же... – пустился он в путаные размышления. – Какие плоды?

– Сами увидите, если продолжите пропальывать. Не мечтайте, не удаляйтесь от реальности – она Божья, для вас создана и под вас «заточена», в том числе и под ваши желания.

– Мои желания? – удивился Серёга. – Но... это же мои мечты. Желания и мечты – это же одно и то же.

– Нет, не одно и то же, – поправил старик. – Мечтание – это воображение с вожделением. А желания – это потребности, осознанные, как хотения. Вот когда желания соединяются с вожделениями, тогда хотения превращаются в похотения. А уж там держись только, такое начинается в человеке...

– То есть... – попытался разобраться Серёга. – Мир «заточен» под мои хотения?

– Да, под хотения «заточен», а под похотения «не заточен». А мы похотники, потому и криво всё в этом мире.

– Хм... – только и ответил Серёга. – Но как же мечта? Это же... Да все говорят, что мечта – это светлое. Возьмите любых писателей или деятелей известных... Все говорят – нет мечты, нет и жизни. Как без мечты? Это, вообще, православная у вас точка зрения?

Старик ничего не ответил, только открыл ящик письменного стола, у которого сидел, достал стопку истертых толстых тетрадок, вынул из неё одну, раскрыл, пролистал несколько и прочитал, напялив на нос очки:

– Читаем... Феофан Затворник: «Человек-мечтатель живёт в атмосфере страстной. Главная немощь фантазии у грешников есть склонность мечтать. Это нечто, сроднившееся с душою их. Свойства мечтательности: удаление от действительного, развлечение, смятение, непостоянство мыс-

лей».

Серёга сидел, склонив голову набок и сильно скосив задумчивые глаза в сторону – напряженно вслушивался и вдумывался.

– Еще? – спросил Андрей Борисович и, поскольку Серёга не ответил, прочитал следующую цитату: – Исаак Сирий называет мечтательность парением ума: «Уныние от парения ума». Понимаете? Уныние от мечтаний, от того, что намечаете себе, возжигаетесь вожделением, а Бог не подаёт. А далее: «Парение ума – от праздности, чтения и суетных бесед или от пресыщения чрева».

– Что? – вырвался Серёга из размышлений. – И читать нельзя?

– А что вы сейчас читаете?

– Ну... – Сергей немного смутился. – Чейза.

– Чейза? – удивился старик.

– Ну да, – уточнил Серёга. – Джеймса. Джеймса Хердли Чейза.

– Хедли, – поправил библиотекарь.

Помолчав, а Андрей Борисович не перебивал его молчания, Серёга дозрел до вопроса:

– А как же... Некоторые святые много читали... Василий Великий...

– Они через чтение познавали окружающий мир, искали в нём Бога, используя весь опыт человеческой жизни. А вы, читая Чейза, что хотите постичь? Помните про вино?

– Что оно веселит сердце человека?

– Да. Но вспомните также и «Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд».

Серёга опять не ответил, и библиотекарь, подождав немного, продолжил:

– Вы же читаете для отрыва от реальности, просто развлекаетесь. Вдумайтесь, у нас очень удобный для богомыслия язык. Развлекаетесь, увлекаетесь, вовлекаетесь, влечетесь, волочитесь. От этого слова происходит и волк, который уволакивает добычу в лес. Ваше внимание растаскивают хищники.

– Какие хищники? – удивился Серёга.

Андрей Борисович снова закопался в тетрадке, нашёл нужную запись и прочитал:

– Игнатий Брянчанинов говорит о демонах: «Они приближаются к душе, стараются подействовать на неё мечтаниями. Желая склонить человека к сладострастию, они представляют соблазнительные образы. Желая обольстить тщеславием, представляют земное преуспеяние. Желая оковать сребролюбием, представляют тягостную старость. Словом сказать: они обольщают и угрожают, – стараются окрасть веру в Бога, отвлечь под свое водительство».

Он закрыл тетрадку, положил её сверху стопки, водрузил на стопку свою растопыренную пятерню и молча устался на Серёгу.

– А как же... – замялся Сергей, видимо переворачивая в

уме собственное представление о мироздании с ног на голову. – Как же тогда... Жить?

– Живите честно, – ответил старик. – Не мечтайте и не вожделейте. Потому и сказано, что всяк человек ложь, что вечно его бросает из стороны в сторону, а того чистого и правдивого, что Бог ему подаёт, человек не видит. И в все из-за мечтательности.

На этот раз Серёга уехал ненадолго, ибо уже через полчаса он торопливо влетел в церковную библиотеку:

– Подождите! – продолжил он какие-то свои сокровенные размышления. – Но ведь желать чего-то – это и есть мечтать. А вы говорите, что всё «заточено» под мои желания. Но ведь так получается, что все мои желания – это мечтания, а значит, все мои желания греховны, все они грех.

Старик улыбнулся и задумчиво рассмотрел свои ботинки:

– Желание – не грех, если происходит от обыкновенной потребности. Закончился хлеб, желаю сходить в магазин. Да только к каждому хотению грех примешивается, потому и за хлебом без греха не ходим. К примеру, через голодное раздражение – поел бы, а хлеб закончился, не купили вовремя, кто-то виноват.

Серёга опять уселся на стул без приглашения и взялся за голову руками:

– Не по-ни-ма-ю! – вздохнул он. – Получается, что лучше вообще ничего не хотеть, Бог сам подаст, чего захочет? Что это за жизнь тогда будет?

Андрей Борисович поднялся, подошел к сидящему на стуле Серёге, взял его за плечи для усиления важности произносимого и проговорил со внушением:

– А вы попробуйте, Бог не подведёт.

Серёге стало неудобно сидеть, он поднялся, отступил на полшага от слишком близко стоящего собеседника и спросил:

– А как... А что будет? Разве Бог станет выполнять мои желания, если у меня их не будет?

– Станет, – усмехнулся старик. – Потому, что будут желания, куда ж без них? Желание – свойство дарованной свободы. Зато, будете их сдерживать, меньше будете увлекаться, а больше полагаться на Бога. Он из движений вашего сердца, а не из разума, выберет для вас лучшее, сам обо всём позаботится и сам всё устроит. Но в сотрудничестве с вами. Главное – трудитесь для Него, идите к Нему, и не мечтайте без дела.

Еще несколько раз Серёга привозил церковные товары, но Андрей Борисович уже вышел на покой и бросил свою библиотеку.

Но однажды пересеклись их пути: в своё семидесятипятилетие Андрей Борисович стоял на церковной паперти и раздавал выходящим после Литургии прихожанам и прихожанкам роскошные темно-бордовые розы.

– Откуда цветочки? – весело поинтересовалась Валентина.

– Серёгу помнишь, товары церковные доставлял?

– А... Рассеянный такой, вечно список книжек терял? – припомнила Валентина.

– Вот он мне передал к юбилею. И узнал же как-то о моём дне рождения, – улыбнулся старик. – Теперь у них семейная теплица размером с наш церковный двор, всей семьей и выращивают.

– М-м.. Мою мечту украл, – улыбнулась Валентина. – Всю жизнь мечтаю розы выращивать.

Но разговор прервался, потому что с одной из вынимаемых роз под ноги к ним выпала записка. Валентина шустро подхватила её и передала Андрею Борисовичу.

Он прочитал: «Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит. Живу, не мечтаю. Спасибо!»

– Аминь, друг мой, – пробормотал старик сам себе и снова улыбнулся.

А где-то далеко в другом городе Серёга со своим многочисленным семейством высаживал розы, гладиолусы и фиалки, а по южной кромке участка разбивал шпалеру для корнесобственного Сапевари, лично привезённого из Грузии. Ибо таково было движение его сердца, и таково было его сотрудничество, ибо не сам собою он трудился, а Богом, Который вокруг, и Который создал такой мир, какой лучше всякой мечты. Если с Богом жить, конечно.

Старик оторвался от созерцания записки и направил свой взор на Валентину:

– Мечтаете? – со строгостью судьи спросил он. – Нельзя

мечтать!